

ЗАЛИВ ОБМАНУТЫХ ОЖИДАНИЙ

Последним пристанищем Раймута Креуха была скрипучая развалюха в разноцветных чешуйках облупившейся краски, торчавшая посреди заброшенного песчаного пляжа. Вокруг вольготно ползали крабы и морские черепахи, соседство Креуха им не мешало. За дощатой постройкой сверкал на солнце охваченный багровым цветением залив Обманутых Ожиданий. Раньше здесь было «Заведение для приятного отдохновения благородных купальщиц», от которого осталась лишь прислоненная к стене вывеска, потемневшая и облезлая, словно обломок кораблекрушения.

Последним местом работы Раймута Креуха была страховая компания «Ювентраэмонстрах». Об этом же сообщала и новая вывеска, которую он приколотил над дверью взамен прежней, но какие-то злые люди — а может, и не люди вовсе — однажды подобрались в отсутствие хозяина и две трети мудреного слова замазали, так что уцелел только «СТРАХ». На Креуха это не произвело впечатления. Все, чего он боялся, уже случилось, нервы давным-давно превратились в задушенные веревки, и его временное жилище никак нельзя было назвать обителью страха.

Последней все еще не сбежавшей от Раймута Креуха любовницей была некая Шельн по прозвищу Лунная Мгла. Холеная, длинноногая, светлоокая, сложением похожая на классически безупречную мраморную статую. По слухам, бывшая гетера высшего разряда,

оставившая службу в веселых кварталах Траэмона то ли из-за происков конкуренток, то ли из-за романтической любви к Раймуту. У нее и манеры были столичные, изысканные, и вся Халеда недоумевала, что привязывает такую женщину к угрюмому и скучному выездному инспектору из «Ювентраэмонстраха». Шельн давно могла бы найти богатого покровителя, но вместо этого получала от компании секретарское жалованье и делила с Креухом тяготы его неприкаянной жизни.

Если сбросить со счетов некоторые натяжки, у Раймута все было как у приличных людей: дом, работа, сожительница.

С виду он ничего примечательного собой не представлял. Молчаливый, невысокий, дочерна загорелый, весь как будто свитый из жил. Чаще всего небритый, зато трезвый. Нос в двух местах перебит, старые дела. Темные глаза обычно прищурены, и это хорошо — а то, если взглядеться, плещется в глубине зрачков что-то настолько печальное и непримиримое, что хочется поскорее отвести взгляд.

Он был выездным инспектором «Ювентраэмонстраха» и нередко возвращался из выездов не один, а вместе с клиентом. Те, кто понимал, что это значит, смотрели на него едва ли не с благоговением.

Креух остановился на полпути к павильону, ранты его ботинок тонули в сыпучем песке. В какую сторону ни глянь, картинка не радует.

Справа расплзлись по приморскому косогору белые дома Халеды. Обычно после полудня там царит блаженное спокойствие — но не сегодня. К одному из двухэтажных домиков подогнали башенный кран, шумит раскочегаренная паровая машина — даже здесь слышно, суетливой вереницей уплывают в небо игрушечные облака, исторгаемые изогнувшейся сбоку коленчатой трубой. На крыше возятся двое рабочих-гоблинов — длиннорукие, издали похожие на здоровенных мохна-

тых пауков, они прилаживают к свисающему со стрелы тросу что-то большое, похожее на мешок. Внизу толпятся зеваки, народу набежало как на праздник.

Слева, на фоне залива, переливающегося всеми оттенками темно-красного — зацвели багровые мельчайшие водоросли, как всегда в это время года, — стоит неказистый павильончик с вывеской «СТРАХ» и верандой под парусиновым тентом. На веранде развалилась в шезлонге Лунная Мгла, у нее гости: две халедские дамы и парнишка лет семнадцати-восемнадцати. Шельн обожает принимать гостей.

Вдали, в блистающей дымке, угадывается противоположный берег залива. Сильвария, будь она проклята. Сильвария, забравшая все, что когда-то было у Раймута Креуха.

Он чувствовал, что вот-вот сорвется в запой. Это случалось изредка, в периоды затишья, если приходилось подолгу маяться без дела. В последнее время все чаще вспоминались Ольда и Рик — закрыв глаза, он видел их, как живых. Верный признак того, что запоя не миновать, иначе можно и спянуть.

А еще позавчерашние газеты, доставленные в Халеду, как водится, с опозданием, сообщали, что грядет затмение снов. Но это уже так, на закуску. Раймута оно не касается, у него с иммунитетом все в порядке.

Кто-нибудь тронется умом, без этого не обойдется. Как в прошлый раз, когда некий почтенный торговец носился по улицам и радостно кричал на потеху прохожим: «Наши цены родили скидку!» А один неуловимый грабитель, по которому давно виселица плакала, средь бела дня пришел в канцелярию Королевского Совета и сказал, что намерен баллотироваться в Палату Честных Граждан. Тут-то его и повязали.

Сны, которые во время затмений просачиваются сюда из чужого мира, оказывают странное воздействие на души людей, не обладающих достаточным ментальным иммунитетом, поэтому во всех больших и малых

городах, в деревнях, в замках, на постоянных дворах и даже на морских судах устроены помещения, оборудованные магической защитой. Кто не спрятался — сам виноват.

Означенная напасть поражает только людей, остальные расы ей не подвержены. Наверное, потому, что сны эти — сплошь человеческие.

— Вира!

— Еще вира помалу!

— Майна!

Он поглядел в ту сторону, откуда доносились рычащие выкрики гоблинов и шум парового крана. Видно как на ладони: обвязанный веревками тюк медленно опускают в кузов грузовика. Если это будет продолжаться... Вполголоса выругавшись, Креух направился к павильону, глядя под ноги, чтобы не давить крабов и черепашек. Всякую мелкую бессловесную живность он старался не обижать, другое дело, попадись ему в темном переулке какой-нибудь темный эльф. Переломал бы мерзавцу кости, если бы смог, — и пусть потом регенерирует, завывая от боли.

Гости попрощались с Шельн, заверяя, что придут еще. Та поднялась с шезлонга, чтобы проводить их.

— А эта жуткая история с коровой, ужас-то какой! — донесся до Креуха сквозь медленный шум прибоя голос одной из посетительниц. — Как вы думаете, кто мог это сделать?

— Не человек! — подхватила другая. — Ужас, я как услышала, чуть не умерла, мне до сих пор нехорошо...

Когда Раймут и Шельн приехали в Халеду, их здесь приняли, как везде. Халедские мужчины воцелели Лунную Мглу, женщины ревновали и завидовали, но в то же время видели в ней образец для подражания. Та охотно делилась с новообретенными подругами рецептами диет, «коктейлей здоровья», косметических масок, благодаря которым у нее такая идеальная фигура и такая гладкая матово-белая кожа, не тронутая за-

гаром и не краснеющая от солнечных лучей, и такие ухоженные ногти, и такие сияющие светлые волосы, и никаких проблем с самочувствием.

— Все-таки у вас, дорогуша, есть какой-то секрет, который вы от нас скрываете! Все же сидят на диетах, а такой результат у вас одной, больше ни у кого...

— Просто я соблюдаю в питании строгую дисциплину, — с покровительственной улыбкой отозвалась Шельн. — Никаких уступок диктату желудка, никакого пирожного на ночь в виде последнего исключения. На весь день — полчашки жидкой овсянки, стакан фруктового сока, немного сырой капусты, горсточка пророщенных зерен пшеницы, стакан нежирного молока. Это все! Раз в месяц я устраиваю себе праздник и наедаюсь до отвала, а потом опять сажусь на диету, и никаких поблажек аппетиту. Красота, как и совесть, не терпит компромиссов.

Креух снова ругнулся, на этот раз не вслух. Кто бы здесь вспоминал о совести...

Женщины ушли, юноша остался. Звали его Марек Ластип. Ему сейчас полагалось бы находиться не здесь, а в Асаканте — городке по ту сторону Кочующей гряды, которая на самом деле никуда не кочует, но выглядит издали как вереница окаменевших верблюдов.

Из года в год в Асакант присылают студентов-филологов записывать южный фольклор, вот и нынче они приехали, а этот Марек оказался среди них самый умный. Или, вернее, в некотором роде самый умный. В Асаканте горожане от студиязов шарахаются, как от саранчи, двери перед носом захлопывают, потому что столичные ребята каждое лето донимают их одними и теми же расспросами, сколько можно? А в Халедде народ непуганый, словоохотливый. Выполнишь учебное задание за три-четыре дня, и в оставшееся время гуляй на здоровье. Вот Марек и махнул через Кочующую грядку, пренебрегши запретом.

Молодым людям в возрасте от пятнадцати до два-

дцати трех лет категорически не рекомендуется посещать окрестности Сильварии. Строго говоря, настоящую силу этот запрет имеет только для полуэльфов и четверть-эльфов, для остальных никакого риска, но Траэмонский филологический колледж, в котором учился Марек Ластип, на всякий случай ограничил практику заведомо безопасными территориями.

Условно безопасными, кисло усмехнулся Раймут. Пропадают-то они где угодно: хоть за сотню миль от сильварийской границы, хоть в самом великом граде Траэмоне, хоть на Грежейских островах, хоть в северных краях за Пасмурными горами, где земля насквозь заморожена и растет один мох. Но там у них все-таки есть шансы, а сюда, напрямик в западню, по доброй воле сунется только дурак. Или тот, кто абсолютно уверен, что он ни на половину, ни на четверть не эльф.

Марек принадлежал ко второй категории. Несмотря на характерный разрез глаз, заостренные уши и форму зубов, эльфийской крови в нем — кот наплакал. Креух уже успел сделать запрос по служебным каналам и получить его родословную. По обеим линиям несколько поколений добропорядочных траэмонских буржуа, не подкопаешься. Судя по внешности парня, неформальные контакты с эльфами у кого-то из его прабабок все же имели место, иначе откуда бы он такой взялся, но с родителями, бабушками и дедушками все чисто.

Неприятностей у себя в колледже он, конечно же, огребет, ибо нарушил правила, но это будут не те неприятности, когда человек бесследно исчезает, как песчинка в пустыне, и потом, сколько ни бейся, не узнаешь, жив он или сгинул, не говоря обо всем остальном.

Ступени лесенки, ведущей на веранду, певуче скрипели и прогибались. Павильон, того и гляди, развалится, как карточный домик, если только раньше его не спалят... или если нетипичная для залива Обману-

тых Ожиданий чудовищная волна в один прекрасный день не разнесет его в щепки.

Марек напрягся и вежливо поздоровался.

Шельн, снова растекшаяся в своем любимом поло-сатом шезлонге, улыбнулась загадочной улыбкой кошки, съевшей хозяйскую сметану.

Марек отступил на середину веранды — на всякий случай, чтобы была свобода маневра, но страхового инспектора отреагировал на него до обидного незаинтересованно. Правильнее сказать, вообще не отреагировал. Вместо этого, остановившись перед Лунной Мглой, уставился на нее с непонятым выражением и неприветливо спросил:

— Зачем?

— Ты о чем, Раймут? — ласково отозвалась Шельн.

— Сама знаешь, — буркнул инспектор. — Помнишь наш уговор?

— Я его не нарушала, Раймут.

— Формально нет, а на деле это за всякие рамки... Ты сама-то соображаешь, что творишь?

— Господин Креух, как вы разговариваете с дамой? — собравшись с духом, вклинился Марек.

Получилось плохо и впечатления должного не произвело. Еще и голос задрожал с непривычки. Он-то надеялся, заступившись за Лунную Мглу, сразу получить в челюсть, но устоять на ногах и ударить в ответ — так, чтобы соперник вылетел с веранды на пляж, проломив гнилые перильца. Вместо этого Креух, едва взглянув на него, досадливо поморщился и махнул рукой — мол, не встревай, мелкий, а Шельн невозмутимо посоветовала:

— Не беспокойся, Марек, все в порядке. Скушай персик, пока мы разговариваем, — и вновь обратилась к инспектору: — Не понимаю, Раймут, из-за чего столько эмоций... Ну, ничего же из ряда вон выходящего не было! Самый обыкновенный скромный ужин.

— Хочешь неприятностей? Шельн, все это закон-

чится большими неприятностями. Они у тебя уже были, а теперь ты опять принялась за старое... Ты вспомни, как подыхала в канаве, когда я тебя нашел! В крови, в дерьме, с торчащими наружу костями... Тебе оно надо? Тебе того раза мало?

— Раймут, я давно уже не та, — возразила Шельн, демонстрируя безграничное терпение и достойную подражания незлобивость. — Сейчас все по-другому.

— Еще раз прошу, не зарывайся, — проворчал Креух, перед тем как исчезнуть в темных недрах павильончика, благоухающих старой древесиной, прелыми чиновками и дешевым одеколоном.

Марека никогда не приглашали внутрь. Как и прочих гостей, его принимали на веранде, и внутреннее пространство домика, в котором обитала Шельн, представлялось ему таинственным, разветвленным, полным сюрпризов, словно речь шла о зачарованном замке. Приятно было мечтать, как однажды он туда ворвется, с ходу врежет антипатичному страховому чиновнику — чтобы знал, как обижать Лунную Мглу... Впрочем, когда доходило до практики, он терялся. Просто не решался начать первым.

Кушать персик Марек не стал. Ждал, насупившись, что будет дальше. Может, Креух все-таки передумает, вынырнет из синеватого сумрака и полезет в драку?

— Не бойся Раймута, — как ни в чем не бывало улыбнулась Шельн. — Это наши с ним личные мелкие разногласия, которые посторонних не касаются.

— Я не боюсь, — Марек ответил резко, почти огрызнулся. — Если бы он сунулся, он бы узнал...

— Не обижайся, но Раймут тебя — одной левой за пару секунд. — Она лениво потянулась за персиком.

— Это можно проверить. — Марек с вызовом поглядел на проем, за которым брезжил манящий полутемный коридор.

— Он не станет драться без причины. Раймут — он... — задумчиво разглядывая бархатный фрукт,

Шельн прищелкнула пальцами. — Он взрослый, понимаешь? До кончиков ногтей взрослый, удручающе и бескомпромиссно. Я имею в виду не возраст, а душевное состояние. Такие, как он, впустую кулаками не машут. Лучше забудь о чужом разговоре, который ты случайно подслушал, и расскажи что-нибудь интересное.

— Не подслушал, а услышал.

— Какая разница?

— Я вчера письмо от невесты получил, — наблюдая, как она вгрызается в персик, сообщил Марек после хмурой паузы.

Где-то он вычитал, что с помощью таких уловок можно вызвать ревность.

— У тебя уже есть невеста? — весело удивилась Лунная Мгла.

— Вроде как да... — он немного стушевался и принялся объяснять: — Родители обручили нас, когда мне было четыре года, а ей пять, с тех пор и есть. Мы договорились, что поженимся после того, как я закончу учебу. Чем позже, тем лучше... Она собирается приехать сюда, посмотреть на цветение залива Обманутых Ожиданий. Почему-то девушки могут ездить в эту сторону сколько угодно, а меня из поезда вытолкали...

Опять проснулась обида — уже не на Креуха, не желающего видеть в нем достойного соперника, а на железнодорожников, которые без церемоний выдворили его из вагона на станции Марычаб под Асакантом. «Езжай обратно». Ага, сейчас, поехал... На этой станции с троллём названием дожидались отправки несколько грузовых составов, и Марек, выяснив, который из них идет на юг, обмирая от собственной наглости, тайком забрался в пахнувший специями полутемный вагон, загроможденный парусиновыми тюками. Не поймали. Получилось даже романтичней, чем он рассчитывал, хотя и впроголодь.

— Потому что сильварийская шваль на девушек не

охотится, — наставительным тоном сказала Лунная Мгла, на ее точеном подбородке дрожала золотистая капля сока.

— На таких, как я, они тоже не охотятся, им нужны эльфы.

— Посмотри в зеркало.

— Что мне, на лбу написать — «я не эльф»? Достали, озвереть можно... «Почему без берегов», «номер твоего страхового полиса» и все такое прочее.

— Напиши. Вдруг поможет. Хочешь, разведу тебя с невестой?

— Зачем?.. — от неожиданности Марек широко распахнул глаза.

— Мне показалось, ты не прочь увильнуть от женьбы.

— Не совсем увильнуть... Мы с ней дружим и вполне друг друга устраиваем, она свой парень... То есть хорошая девушка. Но нам лучше так, как сейчас, а то поженимся — и начнется всякая обязаловка, жизнь по правилам...

— Понятно, — усмехнулась Шельн. — Тогда познакомь, мне будет любопытно на нее посмотреть. Красивая?

— Да ничего...

Марек на мгновение задумался, пожал плечами. Он никогда не пытался оценивать Дафну Сетаби с этой точки зрения. Девушка как девушка, самая обыкновенная. Вот Шельн красивая — это да!

— Договорились, познакомишь. Забавные у вас отношения... Но, наверное, в этом что-то есть. Я собираюсь в Кайну на праздник Равноденствия. Если хочешь, составь мне компанию, а то Раймут праздниками не интересуется.

— Здорово будет, если мы побываем в Кайне вместе, — с энтузиазмом подтвердил Марек.

— А теперь — до свидания. — Шельн подмигнула. — Работа... Можешь заглянуть вечером, буду рада.

Работа, о которой она говорит, — это специфическая ворожба, так называемый «прозвон берегов». Ежедневная проверка, все ли в порядке с клиентами «Ювен-траэмонстраха». Марек знал об этом понаслышке.

Уже подойдя к лесенке, он, набравшись смелости, повернулся и негромко спросил:

— Шельн, если у вас какие-то личные проблемы... Я могу чем-нибудь помочь?

— Честно говоря... — блестящие светло-серые глаза Лунной Мглы смотрели на него не мигая, по-звериному пристально. — Пожалуй, что да, но лучше об этом не стоит...

— Канава, Шельн! — донесся из темного проема сердитый голос Креуха. — Вспомни канаву!

Это, кстати, навредило на мысль, что страхового инспектор прислушивался к их беседе.

Шельн отвела взгляд и вздохнула:

— Ладно, Марек, иди.

Скрипучая лесенка одним концом неуверенно цеплялась за доски веранды, другим утонула в песке. Марек побрел через пляж к домам Халеды, белым, как яичная скорлупа на солнцепеке.

Дохлаю корову с высокой черепичной крыши уже сняли, подъемный кран уехал. Происшествие с раннего утра взбаламутило весь городок. Чтобы поднять такую тушу на высоту двухэтажной постройки, не производя при этом лишнего шума, крылатое существо должно обладать незаурядной силой. Вдобавок уже известно, что это вампир: труп оказался полностью обескровлен. Не стая, вампир-одиночка, укус был только один — рваная рана с характерными следами клыков.

Видимо, какая-то залетная жуть из чаролесья, и хорошо еще, что подвернулась ей корова, а не человек. Если она повадится каждую ночь охотиться в городе, без жертв не обойдется... Известно несколько разновидностей разумных и неразумных упырей, способных

на такое, но кто из них кружил над Халедой минувшей ночью — это покажет дальнейшее расследование, а пока власти рекомендуют жителям соблюдать осторожность и не покидать дома в темное время суток.

Все были встревожены, разве что Марек воспрянул духом: наконец хоть какое-то событие, подтверждающее скверную репутацию пограничного края.

Он чувствовал себя обманутым. Как будто свернул на незнакомую дорогу, ожидая чего-то яркого, ошеломляющего, а дорога сначала завела в дремучее захолустье, где принципиально ничего не происходит, потом и вовсе оборвалась, колеса увязли в песке — примерно такие ощущения он испытывал.

Шельн до сих пор только дразнила. Добродушно, без издевок, но в то же время не скрывала, что видит в нем всего лишь подростка и совращать этого подростка не собирается, как будто мало у нее других забот!

Ладно, пусть с ней ничего не получится, однако Раймут Креух все равно мог бы приревновать и затеять драку, а то даже вызвать его на поединок. Марек еще ни разу не дрался на настоящем поединке, надо же когда-то начинать... Но Раймут Креух его игнорировал. Только при первой встрече проявил чуть-чуть интереса, хмуро и подозрительно оглядел с головы до ног, так что он одновременно и струхнул, и возликовал — вот сейчас начнется, вот сейчас они схлестнутся из-за Лунной Мглы, как настоящие мужчины! — но инспектор вместо этого скучным официальным голосом осведомился:

— Что ты здесь делаешь и почему без обоев? Жить надоело?

Растерявшись, Марек принялся объяснять, что он вовсе не человеко-эльфийская помесь, просто внешность у него такая, а в Халеду приехал по делу, за материалами для учебного задания на тему «Образы магических существ в устном народном творчестве населения южных провинций Королевства Траэмонского».

Вежливо объяснил — привычка, чтоб ее, хотя перед этим решил, что будет вести себя с Креухом вызывающе.

Халеда оказалась сонной дырой. Даже в море искупаться нельзя: цветущие багровые водоросли выделяют едкие вещества, от которых кожа враз покрывается сыпью и зудит, как после комариных укусов. Марек не стал проверять, поверил на слово. Побродил по пустынным пляжам, набрал ракушек на память. Среди них попадались экземпляры странной расцветки — желтые в фиолетовую крапинку или темно-красные, покрытые волнистыми молочными разводами, — но что-нибудь в этом роде можно найти и в лавках морских диковинок в Траэомоне.

На другой же день выяснилось, что на стычки с местными парнями тоже рассчитывать не приходится. Хозяйка, у которой Марек снял комнату с видом на Багровое море, ширококостная женщина с длинными волосатыми руками и скошенным лбом, что свидетельствовало о примеси гоблинской крови, сразу предупредила:

— Если тебя какой дурень тронет — только скажи, мы его всем миром уму-разуму научим! Халеда — цивилизованный к ядрёне город, у нас приезжего, который деньги плотит, пальцем тронуть не моги. По рукам надаем и рыло начистим, потому что приезжие — основа нашего прибытка! В пору багрового цветения вас тут мало, разве художники, которые рисуют море, да ученый люд с пробирками — за сволочью этой, за красной водорослью, а когда можно купаться — уйма народу, и всем нашим идет чистая прибыль. Жилье тогда задешево не снимешь, как сейчас, поэтому у нас есть понятие, что гостей города надо беречь. Гуляй, не бойсь, никто не обидит. Только за полночь не гуляй, а то вдруг какие злыдни из Сильварии прилетят, тогда нехорошо получится.

Халеда была небольшим городком, Марек в первые

же два-три дня исходил ее вдоль и поперек. Как и обещала хозяйка, никто его не обижал. Даже похожий на громадную бородавчатую жабу старый тролль, который обычно сидел на корточках около иззелена-бронзовой чаши бездействующего фонтана на одном из перекрестков и клячил у прохожих денег, а если не давали — кидался заранее припасенными камнями, и тот не пытался его обидеть.

В общем, тоска. Марек ведь рассчитывал на приключения, на жестокие передраги, а вместо этого угодил в какой-то стоячий пруд — вполне себе уютный, до дна прогретый солнцем, с дрессированными щуками и гостеприимными улитками. Почти противно.

В эту Халеду его занесло по случайности. Просто она оказалась конечным пунктом на пути следования того товарного поезда, который увез безбилетного пассажира со станции Марычаб.

Наверное, стоило податься в Кайну — по слухам, там жизнь по-настоящему беспокойная, даже бывают стычки с сельварийскими эльфами, — но там нет Шельн. Марек влюбился в Лунную Мглу, и с этим ничего не поделаешь. Хорошо бы на празднике в Кайне от кого-нибудь ее спасти.

Он был недоволен и сложившейся ситуацией, и самим собой. Наверное, собой даже больше.

Во-первых, имя несерьезное — Марек! Надо же было так осчастливить... Его назвали в честь прадеда, основателя семейного бизнеса Ластипов. Сам он предпочел бы быть Родриком, или Тибурцием, или Эверальдом, но имя, данное при наречении, не поменяешь.

Во-вторых, физиономия. Та еще радость... Нет, уродом он не был. Если честно, он был красив: тонкие, как у эльфа, черты лица, большие миндалевидные глаза, слегка раскосые, с яркой сине-фиолетовой радужкой — тоже типично эльфийские. Марек не знал, кому из предков надо сказать за это спасибо, но будь у него такая возможность, он бы им высказал... По улице прой-

ти невозможно, полицейские цепляются на каждом шагу: «Почему без оберегов?» Принимают за полуэльфа, который сдуру оставил обереги дома, чтобы прогуляться налегке — замучаешься целый день таскать эти кандалы, они же пудовые. И хорошо еще, если полиция верит на слово. Иногда не верили, забирали в участок от греха подальше. После наведения справок отпускали.

Своей семьей он тоже был недоволен. Родителей, конечно, любил, но считал их людьми безнадежно ограниченными и скучными. Отец — глава торгового предприятия «Волшебная стирка», ничем кроме бизнеса не интересуется; Марек мог по пальцам пересчитать те счастливые дни, когда папа водил его на прогулку, в детский театр или в зверинец. Всего-то раз пять или шесть. Мама — суетливая домохозяйка с постоянным тихим испугом в глубине глаз (непонятно, чего боится), с утра до вечера погруженная в бытовые хлопоты. Можно подумать, сама жизнь остановится, если она решит хотя бы денек отдохнуть от дел. Братьев и сестер у Марека не было, и ему хочешь — не хочешь, а предстоит унаследовать «Волшебную стирку». Совершенно нет желания с этим возиться... Ну, не могли они еще кого-нибудь родить про запас?!

Родители, правда, не препятствовали Мареку заниматься тем, что ему нравится. После непродолжительных словопрений он отстоял свое право поступить в филологический колледж — при условии, что параллельно будет изучать бухгалтерию и торговое дело. А еще раньше они согласились платить за его тренировки в школе фехтования и рукопашного боя. Отец вначале был категорически против: «Зачем это нужно, если парень, я надеюсь, не собирается стать солдатом или телохранителем? Бесплезный расход денег и времени...» Но мама неожиданно взяла сторону Марека: «Пусть научится, вдруг ему когда-нибудь пригодится... Чтобы смог за себя постоять, если что...» — а у самой в

глазах такой страх, что оторопь берет. Марек не понял ее реакции, но за поддержку был благодарен.

Он забрался в пыльный товарный вагон на станции Марычаб, потому что хотел перемен. Прежде всего — чтобы в нем самом что-нибудь изменилось. Смутное, но непреодолимое желание, оно вызревало уже давно.

Правда, Марек не смог бы объяснить, с чего он взял, что эти перемены должны произойти с ним именно здесь, в южном краю, на берегу Багрового моря.

После шестого лестничного пролета, плавно закрученного вокруг толстой мозаичной колонны с картинками на исторические темы, Анемподиста норг Парлута, министра всеобщего здоровья и телесного благополучия подданных Королевства Траэмонского, претендента на руку и ложе богоравной Элшерьер, предводителя заговорщиков, разыскивающих прежнего консорта, коего надлежит предать смертной казни, настигла одышка.

Аж в глазах потемнело. Тяжело дыша, Анемподист привалился к стене. Рядом никого нет, можно перевести дух. Как хотите, но он уже не мальчик, чтобы несколько часов кряду носиться по дворцу в кольчуге и стальном шлеме с высоким позолоченным гребнем. Последний смотрится внушительно, спору нет, но вдвое добавляет лишнего весу, так что собственная голова кажется тяжелой, как перезрелая тыква. Да, и в придачу надо таскать с собой увесистую железяку с изукрашенным драгоценными кабошонами эфесом — ритуальный меч, которым новый консорт должен пронзить своего предшественника, дабы занять его место на ложе и на троне рядом с королевой Элшерьер. Впрочем, власть — она того стоит.

Парлут прислушался, утирая полую шелкового плаща мокрое пылающее лицо. Соратники отстали. Слуги, как всегда во время ежегодного дворцового переворота, находятся там, где им положено. Можно... Никто

не застучает... Если он этого не сделает, его хватит удар... Ненадолго ведь... На минутку...

Воровато оглядевшись, претендент на королевское ложе прислонил к затянутой гобеленом стене осточертевший полуторный меч, расстегнул под подбородком массивную золотую пряжку и снял шлем.

Хорошо... Ох, хорошо... Пощупал внутри: кожаный подшлемник скользкий от пота.

Стоило бы гуманизировать обряд смены власти. То есть еще больше гуманизировать, чтобы претенденту и сановникам-соучастникам не приходилось полдня рыскать в поисках спрятавшейся жертвы. Красочное действо на полтора часа — и хватит, за глаза хватит.

Он не выпускал шлем из рук, готовый надеть его, если послышатся шаги, но никто сюда не шел. Королевский дворец огромен. По крайней мере, племянница Парлута утверждала, что на доскональное ознакомление со всеми покоями, коридорами, лестницами, кладовыми и прочими помещениями уйдет несколько дней. А ей можно верить, она тут выросла и облазила все уголки.

«Племяшечка, бриллиантик мой...» — расчувствовавшись, подумал Анемподист, слегка пьяный от непривычных физических нагрузок.

И тут же ощутил мимолетное недовольство: подавив ей на последний день рождения бриллиантовую диадему, ляпнул лишнее. Произнес опасную фразу, которая могла бы навести на ненужные выводы, изблечить его тайную слабость.

— Это тебе. Бриллианты — лучшие друзья девушки!

— Что вы, дядя... — она удивленно заглянула ему в глаза. — Почему вы так говорите? Бриллианты — это бриллианты, а друзья — это друзья. Хорошо, когда есть и то и другое. Спасибо, какая прелесть!

Граф норг Парлут прикусил язык. Нипочему. Потому что эта странная фраза выплыла из темного омота снов чужого мира во время очередного затмения.

По закону тот, кто уязвим для воздействия чужих снов, не может занимать высокие должности на государственной службе, но Анемподисту до сих пор удавалось скрывать сей опасный недостаток. Он полностью себя контролирует. Бывают же счастливые исключения из правил.

Племянница тогда не поняла, в чем дело, хотя она у него умница и насчет друзей еще как права... Парлут думал о ней с восторженным умилением: ведь это отчасти благодаря девчонке, ухитрившейся в шестилетнем возрасте, едва попав во дворец, с ходу подружиться с кем надо, он сумел достигнуть таких головокружительных высот. Таких, что дальше некуда... Еще чуть-чуть, и он станет консортом ее величества Элшерьер, законным правителем Королевства Траэмонского.

Пора?.. Шума не слышно, торопиться незачем. Сейчас он рассматривает как следует старинный гобелен в серебристо-серых тонах — и двинется дальше.

Это была уловка: хотелось оттянуть тот момент, когда придется снова надеть на потную голову тяжеленный шлем, но гобелен, между прочим, заслуживал внимания.

Древний ткач изобразил стаю ифлайгри в дебрях чаролесья. Одни сидят на ветвях деревьев, другие парят над кронами в темном небе. Громадные полупрозрачные крылья в радужных переливах. Прелестные лица с торчащими из-под верхней губы клыками, глаза лунного цвета, вместо волос извиваются змеевидные отростки.

Тела их, стройные и соблазнительные женские тела, покрыты перламутровой чешуей, неизвестный мастер даже это сумел передать, а на руках и на ногах — чудовищные когти, вдобавок по всей длине рук от плеча до кисти торчат шипы. Ступни длиннее человеческих, узкие, гибкие. Одна из ифлайгри висит вниз головой, как летучая мышь, уцепившись ногами за ветку.

На гобелене изображены не только женские особи.

Дерево в центре — причудливо раскоряченное, с похожими на фаллосы мясистыми цветами — это ифлайгри мужского пола. Выглядит еще страшнее, чем стая крылатых прелестниц, а на самом деле — всего лишь растение, неразумное, не способное никого убить, и питается оно не кровью, а вытянутыми из почвы земными соками. Один пол — безобидные деревья, другой — хищницы-кровососы, ночные убийцы и чародейки, способные принимать облик женщин человеческой расы.

Ифлайгри считаются самой опасной разновидностью вампиров, а от их дивного пения, говорят, даже у Старшего народа застывает кровь в жилах, но все это в прошлом. Во всяком случае, в Королевстве Траэмонском и его окрестностях этих чудовищ больше не осталось. Темные эльфы их истребили. Выкорчевали и уничтожили мужские деревья, перебили всех или почти всех летучих лиходеек. Эльфы иногда приносят пользу, хотя чаще они приносят проблемы.

Последнее соображение Парлут положил на полочку с ярлыком «государственная мысль» (он же без пяти минут верховный правитель!), а потом скрепя сердце все-таки нахлобучил громоздкий золоченый шлем и взял меч, потому что с лестницы доносилось чье-то пыхтение.

Один из верных соратников. Тоже взмыленный, измотанный.

— Убьем старого царя! — выдохнул соратник ритуальную фразу, увидев Анемподиста.

— Прольем его старую кровь ради возрождения и обновления! — ритуальной же фразой ответил будущий консорт.

Дальше пошли вдвоем, сценарий поисков этого не возбраняет.

Знакомое помещение. Многоцветная мозаика на стенах рассказывает целую историю в картинках. Окруженный полями и виноградниками город под благо-

стным лазоревым небом. Та же местность, разоряемая ураганом; королева в серебряном венце созерцает с балкона стихийное бедствие. Королева превращается в вихрь, взметнувшийся над дворцом, в нем можно разглядеть конец развевающейся накидки, длинные волосы, часть женского лица с голубыми глазами. Блистающий серебряными звездами смерч движется навстречу урагану. Два воздушных фронта сталкиваются, и разбушевавшиеся силы природы побеждены. Правительница, вновь принявшая человеческий облик, наблюдает, как ее подданные восстанавливают разрушенные дома.

Есть поверье, что древние королевы Траэмона умели превращаться в вихри и умирять природные катаклизмы, этот мотив встречается в некоторых легендах и песнях. Считается, что сказители переосмысливали таким образом эксперименты придворных магов по управлению погодой.

К дверной ручке в виде гномьей головы привязана узорчатая цветная лента — броская, чтобы издали заметили. Назад! Не открывать эту дверь, а то конфуз получится, как в позапрошлом году...

Не обменявшись ни словом, Парлут и его спутник с рассеянным видом повернули в обратную сторону.

Ленточка означала, что заходить в эту комнату ни в коем случае нельзя, поскольку именно там и спрятался Павлон норг Тругрев, прежний консорт, чей срок сегодня истекает. Хороши бы они были, столкнувшись с ним нос к носу! Негоже превращать сакральное действо в балаган.

Еще два-три часа беготни по дворцу. Лестницы растягиваются, словно сделаны из резины, колонны пляшут перед глазами, пот в три ручья и под ребрами колет. Как-никак Парлуту уже шестьдесят три... Но жизнь удалась: если его не хватит удар в результате этой сумасшедшей разминки, после финиша он сможет отдохнуть на королевском троне.

С усталости в голову лезли тревожные мысли: близится очередное затмение снов, как бы не угодить в неприятности... Впрочем, он ведь разумный и осторожный человек, несмотря на свою уязвимость, и у него есть потайное убежище, о котором никто не знает. До сих пор проносило, и на этот раз пронесет.

Где же ты, второе дыхание?..

Наконец отмеренное на поиски время истекло. Пошатываясь от усталости, окруженный соратниками Парлут подошел к нише в одном из беломраморных залов первого этажа, отрепетированным торжественным жестом отдернул портьеру и провозгласил:

— Мы нашли тебя, старый царь! Умри и освободи место для новых ростков!

Прежнего консорта выволокли на середину зала. Он не сопротивлялся. Еще бы чучело сопротивлялось... Анемподист вонзил меч в грудь своему предшественнику, воскликнув при этом:

— Ороси же своей кровью новые всходы!

Лопнул спрятанный под нарядным камзолом кожаный мешочек с бычьей кровью, и столпившиеся вокруг сановники радостно заулюлюкали.

Долгожданный момент... Чьи-то руки сняли с Анемподиста шлем, а престарелый священник в парадной рясе, расшитой колосьями и виноградными лозами, подобрал с пола восьмизубую золотую корону, свалившуюся с матерчатой головы «жертвы», и водрузил на его потное чело.

Еще один радостный многоголосый вопль.

Потом окровавленное чучело вытащили на дворцовую площадь, забросили на усыпанное цветами погребальное ложе, и новоявленный консорт поднес факел к штабелю дров.

Тут уж все зрители заорали так, что вечерний небосвод закачался... Или показалось, потому что как раз в это мгновение ударил первый залп салюта, и в небе за-

вертелась карусель сверкающих вихрей? Так или иначе — свершилось!

Посреди площади пламя с ревом пожирало свою добычу. Столб дыма поднимался выше дворцовых крыш, и переливающиеся узоры фейерверка мерцали сквозь черную вуаль гари. От чучела Павлона норг Тругрева уже ничего не осталось, а сам он, нимало не пострадавший, наблюдал за представлением сверху, сквозь забранное мелкой решеткой неприметное оконце. В течение месяца он будет жить затворником, никому не показываясь на глаза, как требует обычай, а потом, выйдя из заточения, сможет вернуться на государственную службу. Парлут собирался назначить его почетным советником по использованию магии в мелиорации.

Кое-кто позволял себе насмехаться над цивилизованными траэмонскими традициями. Иностранцы посмеивались. Жрецы пришедших в упадок кровавых культов привычно злобствовали. Оппозиционные газеты публиковали эпиграммы. Гномы и гоблины распевали дурацкие куплеты. Повелитель темных эльфов Гиладель, язва известная, изощрялся в комментариях, а владычица светлых эльфов Эгленирэль выражала сдержанное неодобрение по поводу того, что люди извратили свои древние обряды — по ее мнению, надо или по старинке, чтобы все всерьез, или уж вовсе от этого отказаться.

В пику им всем траэмонские власти ничего менять не собирались. Может, оно и смахивает на спектакль, зато никакого человекоубийства, как в былые варварские времена. И народ доволен. Пусть все остается, как есть.

Анемподист уже отказался от идеи внести предложение, чтобы поиски прячущегося консорта занимали поменьше времени. Расхотелось облегчать жизнь тем, кто придет после него. Если он мучился на последнем отрезке пути к власти, пусть они тоже помучаются! Это

будет справедливо. Все равно побывать консортом можно только единожды.

В окружении свиты Парлут вступил в тронный зал. Ее величеству дали знать, что он приближается, и едва процессия миновала входную арку, под которой свободно мог пройти великан, в наступившей тишине послышался тонкий нежный голос:

— Но где же, скажите мне, где же супруг мой царственный?

— Вот он грядет, королева, супруг твой царственный! — громогласно объявила жрица в златотканом облачении. — Грядет к тебе, орошенный кровью и возродившийся, встречай своего супруга!

Придворные дамы расступились. В центре выложенного перламутром мозаичного круга осталось в полном одиночестве невысокое хрупкое существо — дистрофичный подросток с огромными глазами на нездоровом бледном заостренном личике. Впрочем, усыпанная драгоценными камнями корона и ослепляющая звездным блеском мантия скрадывали впечатление от таких несущественных деталей, как болезненно впалые щеки, чересчур тонкая шея, неприятно хилые кисти рук, напоминающие птичьи лапки. Главное то, что перед вами последняя представительница древней династии — Королева Великого града Траэмона и окрестных земель, а также Итраги, Сушана, Сналлы, Марлагосы, Кедо и Манжелисты, Госпожа Стихий, Повелительница Жизни и Смерти, богоравная Элшерьер.

— Да, это супруг мой царственный, — шагнув навстречу Анемподисту норг Парлуту, подтвердила королева. — Узнаю его, возрожденного и обновленного!

Как полагается, все шумно возликовали.

Потом вперед выступил верховный маг Архицельс и произнес коротенькую напутственную речь:

— ...Позаботься же, супруг королевы, о том, чтобы в королевстве нашем стало меньше больных!

Таков обычай: новый правитель получает не обре-

менительный, но обязательный наказ от высших сановников. Парлут был министром всеобщего здоровья и телесного благополучия, и от него ожидается любое мало-мальски полезное начинание в этой области. Никаких неожиданностей.

Консорт торжественно поклялся выполнить наказ, и тогда во дворце начался пир, а в стольном городе Траэомне и по всей стране — народные гулянья.

Начало они пропустили. Когда паромобиль дотащился до белой Эльфийской арки на въезде в Кайну, в небо, окрашенное во все оттенки золотистого вина, уже поднимался столб дыма — на главной городской площади жгли чучело Старого Царя.

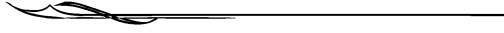
— Опоздали! — с досадой пробурчал Фрешта.

Скоро стало ясно, что они не только опоздали, но еще и застряли. Затор. Слишком много желающих поскорее проскочить под аркой и очутиться на празднике. Клаксоны вразнобой выли, словно оплакивали символически казненного правителя, этот дикий концерт почти заглушал доносившуюся издали бравурную музыку.

Марек сидел рядом с Дафной на заднем сиденье расхлябанной столетней колымаги, видел в длинном зеркале над лобовым стеклом точеный мраморный лик Шельн — невозмутимый лик небожительницы, сошедшей на землю, — и недовольную физиономию Фрешты, похожую на облупленную молодую картофелину.

За окошками столпотворение, в воздухе плавают облака пара. На праздник в Кайну потянулась прорва народу, а поезда с позавчерашнего дня не ходят: по слухам, тролли из местной общины разворотили железнодорожные пути на участке между Шавой и Кайной. Шпалы вырывали, рельсы гнули, силушкой своей друг перед другом похвалялись. Весело им было.

Фрешта, служащий «Ювентраэмонстраха», помощник Раймута Креуха, предложил отвезти всю компа-

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ЗАЛИВ ОБМАНУТЫХ ОЖИДАНИЙ 5

Часть вторая

ЧАРОЛЕСЬЕ 80

Часть третья

ЗАТМЕНИЕ СНОВ 172

Часть четвертая

ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ 264

Часть пятая

ГЛАЗ БУРИ 367